

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

А. ЯКОВЛЕВ

БОРЬБА ЗА „РЕГИСТРАЦИЮ“

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН МОСКВА

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ОЧЕРКАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ

1929 г. № 21

А. ЯКОВЛЕВ

БОРЬБА ЗА „РЕГИСТРАЦИЮ“

ЗАБАСТОВКА ЧЕРНОМОРСКИХ МОРЯКОВ ЗИМОЮ 1906 — 1907 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1929

Главлит № 59.534 Заказ № 2248 Тираж 7.000

20 ноября 1906 года распоряжением одесского генерал-губернатора Карангозова была закрыта «Регистрация судовых команд Черного моря», — своеобразная профессиональная организация, возникшая в результате длительной и упорной борьбы черноморских моряков за ее существование.

Одновременно с закрытием «Регистрации», осуществляя общий и предварительно тщательно разработанный план действий, Русское общество пароходства и торговли (Ропит) ультимативно предъявило командам своих пароходов новые условия, на которых они могут оставаться на службе Общества. Объявлялось также, что, вместо закрываемой «Регистрации», Ропит открывает у себя постоянно действующую очередную запись безработных моряков для посылки их на пароходы с целью замещения открывающихся вакансий, то-есть принимает на себя осуществление одной из важнейших функций закрываемой «Регистрации». Всем тем морякам, которые не соглашались служить на этих новых условиях, предлагался полный расчет и увольнение.

В ответ на полицейский разгром «Регистрации» и на объявленный Ропитом локаут, черноморские

моряки ответили единодушной забастовкой, охватившей все пароходы, стоявшие в момент ее объявления в Одессе. К ней примкнули не только команды пароходов Ропита, но и пароходов всех прочих судовладельцев.

Из солидарности к забастовавшим морякам объявили стачку и портовые грузчики, всего до 5 000 человек. Настроение рабочих судоремонтных заводов, расположенных в порту, было таково, что достаточно было призыва к ним со стороны политических партий, чтобы и они примкнули к забастовке.

Снова развернулась очередная жестокая схватка в борьбе за малопонятный для постороннего лозунг — за «Регистрацию».

I

Начавшаяся борьба не была неожиданной. Подготовка к ней шла давно, о ее неизбежности знали все, и трудно сказать, кто с большим трепетом ее ожидал: моряки или судовладельцы. Но на этот раз, в отличие от всех прежних схваток, роли менялись: моряки, привыкшие к инициативе и нападению, оказывались в роли стороны, вынуждаемой к пассивной защите уже достигнутых завоеваний, какими бы бурными проявлениями энергии эта защита с их стороны ни сопровождалась. Уже это одно обстоятельство накладывало на начавшуюся забастовку свой особый отпечаток и в известной степени предопределяло в ней соотношение борющихся сил.

Предварительные маневры со стороны судовладельцев — и, главным образом, Ропита — к подго-

товке локаута начались почти сразу же после окончания летней забастовки моряков (12 мая—24 июня 1906 года), в результате которой была открыта «Регистрация». Но за этими маневрами, по началу еще робкими и недостаточно организационно устремленными, не всегда к тому же своевременно обнаруживаемыми, правление «Регистрации» и моряки могли лишь настороженно наблюдать и по отдельным незначительным фактам приходить к выводу об устойчивости или неустойчивости создавшегося в результате забастовки соотношения сил. Придраться же к случаю, сделать попытку разоблачить тайную работу судовладельцев было и трудно и тактически нецелесообразно. Поднимать шум без достаточного повода значило обнаружить свою излишнюю нервность и, следовательно, неуверенность в собственных силах. С другой стороны, раздувая несущественный и случайный факт, «Регистрация» могла оказаться вынужденной итти в своих активных действиях против судовладельцев значительно дальше, нежели этого требовали обстоятельства и ее собственные реальные интересы в момент обнаружения данного факта.

Но вот в сентябре, то-есть за два месяца до закрытия «Регистрации» и объявления Ропитом локаута, в черносотенной газете «Бессарабец», издававшейся в Кишиневе, за подписью графа Коновницына, председателя «Союза русского народа» в Одессе и заведывающего механической прачечной Ропита, появилась телеграмма о том, что Ропиту срочно нужно несколько сот моряков для заполнения свободных вакансий на

его пароходах. Желающим поступить на службу предлагалось записываться в редакции газеты или же в местных отделах «Союза русского народа».

Как на правление «Регистрации», так и на безработных моряков, которых скопилось около «Регистрации» до трех-четырех тысяч человек, эта телеграмма произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Поиски Ропитом моряков помимо «Регистрации», да еще в Бессарабии, которая никогда не давала моряков для Черноморского флота, ясно показывали, что затевается нечто очень серьезное. Содержание телеграммы убедительно говорило о том, что Ропит готовит наступление на «Регистрацию», что его подготовка в этом направлении зашла уже далеко. Телеграмма указывала и те силы и средства, на которые он собирается опереться в своей затеваемой против «Регистрации» борьбе.

Обсуждение создавшегося положения в «Регистрации» было кратковременным и бурным. Оно происходило одновременно и среди безработных моряков, и среди команд пароходов, стоявших в Одессе. Результаты обсуждения, тем не менее, наметились быстро и единогласно: потребовать объяснений от Ропита и, при их неудовлетворительности, предупредить события и самим объявить забастовку.

Но это единодушное решение отнюдь не отражало единства мысли, настроений и целей. Для безработных моряков возможная забастовка не была страшна, так как они и без того были без службы. При всеобщей же перетасовке, неизбежной в результате всякой стачечной борьбы, у каждого из них сильно

повышались шансы попасть на пароход. Среди безработных имелось немало недовольных «Регистрацией» за то, что она не могла им быстро предоставить службу на соблазнительных условиях, ею обеспечиваемых. Эти новые условия и вызвали их возвращение к морской профессии, ранее ими уже оставленной, а на пути к свободному использованию заманчивых условий службы стоял барьер очередной посылки, установленный «Регистрацией». Имелись среди безработных и прямые агенты «Союза русского народа», целью которых являлось создание всяческих затруднений для «Регистрации», ее ослабление и подготовка полного развала и гибели. И наконец для служивших на пароходах моряков локаут со стороны Ропита являлся прямым нападением на уже достигнутые и используемые завоевания. Отбить такое нападение для них представлялось элементарно бесспорным, почти рефлекторным актом, возможная сила действия которого преувеличивалась блестящим исходом недавней 42-дневной забастовки.

При объяснении, которое происходило между правлением «Регистрации» и администрацией Ропита по поводу телеграммы в «Бессарабце», инспектор Ропита Стронский чуть ли не клятвенно уверял, что Ропит ничего злокозненного против «Регистрации» не замышляет, и что телеграмма появилась в результате совершенно непонятных и самочинных действий Коновницына, и что ей вообще не следует придавать значения. Для большей убедительности им был немедленно же вызван сам граф Коновницын, и этот аристократ, ведавший стиркой грязного пароходного

белья, не смущаясь заявил, что Ропит никаких поручений ему на посылку подобной телеграммы не давал и что она послана им по собственной инициативе. В подтверждение своих слов граф Коновницын выдал представителям «Регистрации» собственноручно написанное письмо, в котором повторил все то, что им было сказано устно.

Но категорические графские отрицания были мало убедительны. Нужно было считать несомненным, что не в меру и не по разуму экспансивный Коновницын перестарался и раньше времени сделал явным то, чему еще надлежало быть тайным. Прощупыванием через сочувствующего «Регистрации» сотрудника главной конторы Ропита правление «Регистрации» скоро получило подтверждение о несомненном наличии у высшей администрации Ропита каких-то тщательно скрываемых, но усиленно разрабатываемых агрессивных планов против «Регистрации». Телеграмма лишь показывала, как далеко эта работа зашла и какие решительные действия она могла вызвать у наименее выдержанных участников этой подготовительной работы.

Объяснения с Ропитом имели и другие следствия. Резко поставленный перед Ропитом вопрос о добросовестном исполнении им соглашения, достигнутого в результате летней забастовки 1906 года, подкрепленный внушительной угрозой забастовки, возымел свое действие. У Ропита не могло создаться иллюзий в отношении легкой победы над моряками. По этой причине теперь же передавать инициативу неизбежной борьбы из своих рук в руки моряков ему было

слишком невыгодно, особенно в тот момент, когда его тайная подготовительная работа еще не была законченной. Временно он отступил и объявил виновным во всем инциденте Коновницына и через него — весь «Союз русского народа».

В результате получилось нечто похожее на легкую стычку, взаимную пробу сил, проверку готовности бойцов к предстоящей борьбе. Прощупав друг друга, противники отступили на прежние позиции и сделали вид, что все идет благополучно и что никаких грозовых туч на горизонте нет.

Разошлись и начали усиленно готовиться к неизбежной предстоящей и близкой борьбе.

Положение моряков оказывалось очень трудным. Приближавшаяся осень — не время для их удачной стачечной борьбы. Осенью сокращаются размеры грузооборота, уменьшается количество плавающих судов, соответственно увеличивается и без того хроническая безработица среди моряков. Тяжесть забастовки ощущается гораздо острее командами, нежели судовладельцами, а этим заранее в значительной мере предопределяется и ее возможный конечный результат.

Недавняя, продолжавшаяся 42 дня забастовка, после которой моряки добились открытия «Регистрации», происходила не только в атмосфере исключительного общественного сочувствия, но и при слабом полицейском вмешательстве. За истекшие с тех пор три-четыре месяца много воды утекло на мельницу истории, и если еще можно было рассчитывать на общественное сочувствие и поддержку рабочих Одессы,

то на полицейское невмешательство теперь возлагать надежду не приходилось. Наступление и быстрое развитие политической реакции давало себя чувствовать всей своей непосредственной тяжестью. Успевший укрепиться и развить под полицейским покровительством свою высокопатриотическую деятельность «Союз русского народа» в первую очередь сосредоточил свое внимание на «Регистрации» моряков и немало бед уже успел ей причинить. Телеграмма графа Коновницына ясно показывала, какую роль возьмет на себя этот союз в борьбе моряков с судовладельцами. Представлялось несомненным, что, в случае забастовки, морякам нужно будет сломить не только сопротивление судовладельцев, но и всю мощь полицейского аппарата самодержавия, который не замедлит обрушиться на них всей своей силой.

Перспективы и возможности для борьбы моряков вырисовывались неблагоприятные, мрачные...

II

Закрытие «Регистрации» генерал-губернатором и предъявление Ропитом новых условий службы произошло одновременно. Но что по существу скрывалось за этими враждебными действиями?

Закрытие «Регистрации» как будто не обозначало разгрома профессионального союза моряков. Устав «Регистрации» был составлен после летней забастовки моряков в результате дискуссии между стачечным комитетом и Ропитом. Это по существу было соглашение, коллективный договор между двумя заинте-

ресованными сторонами, но отнюдь не устав профессионального союза, как то обычно принято понимать. Как документ договорного характера, устав «Регистрации» был утвержден директором Ропита Ржевусским. На верхнем правом углу обложки напечатанного устава «Регистрации» имелось: «Утверждаю. Ржевусский». И имелось также: «Против деятельности «Регистрации» на нижеизложенных основаниях не возражаю. Одесский генерал-губернатор Карангозов».

Своеобразие юридической природы «Регистрации», созданной в результате определенного соотношения сил, очень мало тревожило ее правление, которое полагало, что прочность созданной организации всего менее зависит от наличия или отсутствия установленного законом устава. Но под давлением одесского градоначальника, не могшего примириться с беззаконным существованием «Регистрации», и после благословения на то Бюро профессиональных союзов Одессы, правление «Регистрации» выработало по установленному шаблону и представило на утверждение Одесского особого по делам об обществах присутствия устав «Профессионального общества судовых команд Черноморского торгового флота в Одессе». Этот устав был составлен согласно «временных правил об обществах от 4 марта 1906 года», был утвержден и зарегистрирован в середине сентября названным присутствием.

Закрывая «Регистрацию», как организацию, существовавшую без всякого законного основания, генерал-губернатор одновременно не прекращал деятельности союза моряков, который, таким образом, сохранял

право существования на основании законно зарегистрированного устава. За моряками как будто сохранялась возможность дальнейшей организованной жизни. Но об этой возможности на всем протяжении забастовки никто даже не вспомнил и серьезно к ней не относился. Обе стороны — и моряки и судовладельцы — понимали, что борьба идет не вокруг союза, как отвлеченно-правового понятия, а вокруг «Регистрации», наполненной для них вполне жизненным и ощутимо конкретным содержанием.

Профессиональный союз, как таковой, моряков не интересовал. Им нужна была «Регистрация» или, точнее, тот коллективный договор с судовладельцами, который ее вызвал к жизни, и те правовые нормы, какие этот договор обеспечивал им и при поступлении на службу и во время работы на пароходе. «Регистрация» была нужна для наблюдения за выполнением судовладельцами этого договора. Своим существованием она подтверждала, что договор в силе и что судовладельцы его нарушить не могут. Борьба шла не за голое право организоваться, а за те вполне конкретные достижения, какие уже имелись у моряков и кратко формулировались для них в одном слове «Регистрация».

Закрытие «Регистрации» в настоящем случае не означало также уничтожения самой идеи регистрации, то-есть записи безработных и их очередной посылки на освобождающиеся вакансии на пароходах. То, что делала «Регистрация», переходило лишь на исполнение в контору Ропита, при которой открывалась такая же регистрация, правда, только с ма-

ленькой буквы, на положении одного из винтиков административного аппарата главной конторы. Во главе этой ропитовской регистрации также должны были стоять выборные от моряков, на обязанность которых возлагалось вести книги очередей записывающихся безработных, посылать их на пароходы и разбирать все недоразумения, какие могут возникать между командами и судовой администрацией. Таким образом, на первый взгляд, все новшества сводились лишь к перемене помещения «Регистрации» и новому источнику оплаты жалованья ее руководителям, назначаемым Ропитом, а не выбираемым моряками.

И, наконец, предъявленные морякам новые условия службы на пароходах Ропита не вносили существенных изменений в прежде действовавший коллективный договор. То обстоятельство, что эти условия, отпечатанные заранее отдельной брошюрой, сразу же были розданы всем морякам, показывало, что Ропит был намерен, хотя бы на некоторое время, добросовестно выполнять им же самим выработанные новые судовые распорядки и оплату труда.

Таким образом характер условий, какие ультимативно поставил Ропит перед командами своих пароходов, ясно показывает, что он также слишком хорошо понимал значение «Регистрации», то-есть того, что сущность условий труда моряков на судах прежде всего определяется не тем, что написано в действующем коллективном договоре, а тем, кто за выполнением этого договора наблюдает и кто по существу регулирует правовое и материальное положение мо-

ряков. Объявляя локаут, Ропит на первых порах развертывал свое наступление не против прямых материальных и правовых завоеваний моряков, а против той организации, какая эти завоевания защищала и воплощала. И для него борьба должна была развернуться вокруг того, кто должен быть хозяином в «Регистрации»: он, Ропит, или же сами моряки. Всякие же серьезные изменения материальных и правовых условий труда моряков откладывались им на будущее время и ставились в зависимость от исхода начатой борьбы.

Таким образом для обеих сторон положение было совершенно ясным и объект борьбы вполне понятным, живым и непосредственным.

Обстановка, в какой был объявлен локаут, показывала, что Ропит к нему успел подготовиться вполне и что весь прошлый опыт стачечной борьбы моряков с ним он использовал полностью для укрепления своих позиций.

К заранее назначенному дню, 20 ноября, когда полиция должна была закрыть «Регистрацию», все капитаны пароходов Общества были снабжены письменными инструкциями и брошюрами с напечатанными в них новыми условиями службы. В этот день капитаны пароходов, независимо от местонахождения их судов,—в море или в порту, в Одессе, Александрии или Батуме, — должны были вызвать команды своих пароходов и подробно им разъяснить, как мало они в материальном и правовом положении своем теряют из завоеванных ими прав, и что им предстоит в случае отказа от новых условий и прекращения работы.

Необходимость закрытия «Регистрации» при этом инструкция мотивировала тем, что таким путем моряки избавляются от засевших в ней революционеров, цель которых — втянуть моряков в политические выступления. В новую ропитовскую регистрацию всякий доступ революционерам обещали закрыть и уверяли, что она усердно займется чисто моряцкими делами и интересами. Делался ловкий нажим на «цеховизм» моряков, на вынужденную профессиональную замкнутость, и давались какие-то авансы на будущее.

О результатах своих переговоров с командами капитаны должны были телеграфировать в одесскую главную контору Ропита и от нее ждать, в случае надобности, дальнейших распоряжений. Сама же главная контора вполне обеспечила себе содействие «Союза русского народа», во главе с графом Коновницыным, и энергичную помощь одесского генерал-губернатора. Был подготовлен вербовочный аппарат для отыскания нужного числа штрейкбрехеров, и было приготовлено для непокорных моряков достаточно мест в полицейских участках и в одесской тюрьме.

Ропит выступал во всеоружии.

III

Объявленный Ропитом локаут и закрытие «Регистрации» были произведены в очень удачно выбранный момент. «Регистрация» переживала очень тяжелые дни. Крайне заманчивые условия службы, создан-

ные для моряков после летней забастовки, уверенность в получении в порядке очереди рано или поздно работы на пароходе повели к тому, что вокруг «Регистрации» скопились не только безработные моряки, бывшие во время забастовки в других портах, но и сотни, если не тысячи, тех, кто уже порвал всякие связи с морем, переменил профессию и устроился для работы на берегу. В очередных книгах «Регистрации», накануне ее закрытия, было записано свыше пяти тысяч человек безработных матросов, кочегаров, кастрюльников, коков и всяких прочих подразделений судовой команды. Размеры безработицы среди моряков успели принять почти катастрофический характер. Количество зарегистрированных безработных приближалось к общему числу работающих моряков на всех пароходах Черноморского торгового флота.

Боязнь увольнения с парохода, которое влекло за собою неопределенно длительное пребывание в очереди, в ожидании нового назначения на службу, вызывала необычную для массы моряков служебную малоподвижность. Служащие на пароходах по собственному желанию увольнялись в очень редких случаях. Обычных прежних увольнений по прихоти судового начальства «Регистрация» не допускала. Создавался поэтому очень слабый обмен между работающими и безработными. Возникавшие в «Регистрации» среди безработных моряков проекты установления определенных сроков службы на пароходах, по окончании которых должна производиться замена работавших безработными, встречала яростный отпор

со стороны служивших. Споры на эту тему принимали ожесточенный характер и создавали почву для враждебных группировок в среде моряков. Стремление безработных при таких условиях все же скорее попасть на службу на пароходы начинало принимать активные формы и угрожать прорывом системы очередных посылок «Регистрации» и возобновлением прежнего порядка поступления на службу через знакомых судовых администраторов, протекцию и подношения.

Вместе с этим непрекращавшаяся открытая и тайная агитация среди безработных моряков агентов «Союза русского народа», раздувавших каждое недоразумение и стремившихся вызвать раскол в «Регистрации», еще более обостряла и без того острые затруднения. Положение несколько спасала откровенная глупость и слишком прозрачная цель этой агитации. «Союз русского народа» пользовался слишком определенной репутацией, чтобы его агентам могли верить и чтобы за ними могла пойти масса моряков. Но отдельных, хотя и временных, сторонников он привлекал и на них опирался в своей дальнейшей разлагающей работе.

Закрытие «Регистрации» как-раз и произошло в то время, когда внутренние процессы брожения безработных достигли особой остроты. Нет сомнений, что в их обострении сыграл очень большую роль Ропит, действовавший не только через графских добрых молодцев из «истинно-русских людей», но и через судовую администрацию, нарочито подчеркивавшую свою беспомощность в приеме к себе на службу

знакомых моряков из безработных. Создание внутренних трений и ослабление «Регистрации» было одной из существенных составных частей той подготовительной работы, которая была проделана Ропитом перед объявлением локаута.

Для этой цели судовая администрация, при явном поощрении главной конторы, не раз искусственно создавала конфликты с командой, при разрешении которых положение «Регистрации» было бы особенно трудным и могло скомпрометировать ее в глазах моряков.

При таких обстоятельствах без особых пояснений представляется малопонятным то единодушие, с которым моряки ответили забастовкой на закрытие переживавшей столь серьезный внутренний кризис «Регистрации». Объяснения этому кроются в некоторых специфических особенностях организационного устройства «Регистрации» и ее главнейших функций.

В самом центре организационной идеи «Регистрации» лежал момент, дававший ей или удивительную силу, или являвшийся для нее самым слабым местом. Она могла быть или предметом страстных вожделений всей моряцкой массы, — ради нее можно было итти на любые жертвы и самую ожесточенную борьбу, — или никчемным и даже вредным учреждением, против которого не грех и бороться. Отношение к ней со стороны моряков, как и со стороны судовладельцев, могло быть или горячим, или холодным, но тепленьким или безразличным оно быть не могло.

Помимо «Регистрации» никто из моряков не мог получить работу или, не будучи ее членом, сохранить

за собою службу на пароходе. Для черноморского моряка служить и работать одновременно значило быть членом «Регистрации». «Регистрация» фактом своего существования обеспечивала ему строго определенные и очень хорошие условия работы и защищала его от всякого произвола судовой администрации, а при безработице давала ему посильную помощь и избавляла от необходимости, путем неизбежных унижений человеческого достоинства, искать работы. Порвать с «Регистрацией», перестать быть ее членом для моряка обозначало не только потерять материальные и правовые завоевания, с нею связанные, но и службу, обозначало отказ от своей профессии, фактическую невозможность ею заниматься.

Но с другой стороны, если «Регистрация», сохраняя за собою все свои права распоряжаться допуском или лишением моряка работы, фактически оказывалась бессильной выполнить свои обязательства по предоставлению службы в крайние, допустимые для скудного бюджета безработного моряка сроки, — она превращалась для него в излишнее и даже вредное учреждение. Но вместе с тем вполне понятно, что, получив работу, моряк сразу же становился самым энергичным борцом за «Регистрацию». Таким образом, та оппозиция, какая накоплялась в «Регистрации» перед ее закрытием, по существу была оппозицией не против самой «Регистрации», а против невольной и вынужденной безработицы, ею вокруг себя сконцентрированной.

Несмотря на все трудности внутреннего положения, правление «Регистрации» уже давно готовилось к

забастовке, как неизбежному ответному действию на любое враждебное выступление судовладельцев. Размеры и характер этой подготовительной работы определялись той пассивной ролью, какая выпадала на долю моряков в предстоящей борьбе. Оказывалось возможным заранее лишь создать организационный аппарат для руководства забастовкой и наметить систему и план наилучшего использования накопленных за время существования «Регистрации» денежных средств для поддержки нуждающихся моряков во время забастовки. Но обе эти наиболее важные для предстоящей забастовки задачи были все же разрешены правлением «Регистрации» неудовлетворительно, точнее, очень неудачно.

Прежде всего правление «Регистрации», узнав точно за несколько дней о предстоящем локауте, решило, что оно само не может принять на себя руководство неизбежной ответной забастовкой. На делегатском собрании члены правления «Регистрации», в своей основной массе, настойчиво указывали на то обстоятельство, что они сами и их адреса известны полиции и что их сразу же могут арестовать, как только за ними будет замечена активная работа по руководству забастовкой. Они также настаивали на том, что для успеха забастовки нужно создать специальный стачечный комитет, в состав которого должны будут войти новые лица, полиции неизвестные. Пользуясь своим большинством и случайным отсутствием в Одессе нескольких членов правления, вместе с тем и членов партии (с.-д. меньшевиков), эти остальные члены правления вынесли даже поста-

новление о том, что каждый из них получает по 100 рублей из кассы «Регистрации» для перехода на нелегальное положение или на срочный отъезд из Одессы, во избежание ареста. Когда забастовка началась, все они эти деньги успели получить, после чего сочли свои обязанности перед избравшими их моряками исполненными.

Состав же предрешенного стачечного комитета персонально своевременно не был намечен, и его образование после объявления забастовки по существу оказалось предоставленным случаю и доброй инициативе тех, кто за это дело мог взяться.

В отношении же денежных средств, накопленные 5000 рублей было решено взять из банка. Они хранились в местном отделении Лионского кредита (французский банк), но все же могли быть подвергнуты аресту по требованию генерал-губернатора. Деньги были срочно взяты и оставлены на хранении у Александра Клочко, первым вынужденным расходом которого на забастовку была выдача по 100 рублей струсившим членам правления «Регистрации», дезертировавшим с поля начинавшейся битвы.

Прямой противоположностью этим штрейкбрехерам было поведение массы моряков при известии о предстоящем локауте и закрытии «Регистрации». Вся масса безработных, независимо от действительных мотивов каждого из них в отдельности, была за немедленную забастовку. Служащие на пароходах моряки, которым предстояло эту забастовку осуществить, также видели в ней единственный выход из положения. Для всех моряков еще свежи были воспо-

минания о блестящей победе в недавние июньские дни, и всем невольно хотелось думать, что такая же организованность будет сопровождать и предстоящую забастовку.

Формальное решение объявить забастовку, как прямой ответный удар на локаут, было принято делегатским собранием моряков, на котором присутствовало человек 30, представлявших главным образом стоявшие в порту пароходы. Представительство от безработных на этом собрании было намеренно сведено к самым скромным размерам.

С тем, что забастовка предстоит трудная и что риск поражения очень велик, соглашались все присутствовавшие, но вместе с тем все ставили вопрос прямо: или мы имеем ту «Регистрацию», какая у нас есть, или мы не имеем ее совсем.

Под этим лозунгом, в ответ на локаут со стороны Ропита, правление «Регистрации» объявило забастовку моряков и — разбежалось.

Основной причиной успеха летней забастовки моряков 1906 года нужно считать ее удивительную, всех поражавшую организованность. Трудно было поверить, что не только за всей массой моряков, но и за ее руководителями во время забастовки, если из их состава исключить одного М. Адамовича, не было никакого организационного опыта и что эта забастовка была по существу их первым, всех охватившим коллективным действием. Даже сами моряки тогда не понимали, почему между ними нет обычных разногласий и что именно их делает столь выдержанными и упорными в непрерывной стачечной борьбе.

И действительно, продержаться в забастовке 42 дня, начав ее без копейки денег в распоряжении стачечного комитета, даже при хорошо налаженной организации, имеющей большой опыт стачечной борьбы, представляется весьма трудной задачей. Тем не менее тогда эта задача была блестяще разрешена при отсутствии всех обычных условий.

Это единодушие моряков в летнюю забастовку, по началу заменившее им обычный организационный аппарат, держалось главным образом на почти неограниченной возможности встреч, обмена мнений и очень частых общих собраний, которые так непредусмотрительно разрешал тогда в самые нужные моменты генерал-губернатор. Раз созданное единство настроения поддерживалось и укреплялось в этой лаборатории массовой жизни и действия и давало морякам их поразительную выдержку. Вполне понятно, что это единодушие в основе своей строилось на общем и страстном желании добиться открытия своей «Регистрации», завоевать все то, что она собою олицетворяла. Устойчивость боевого настроения моряков поддерживалась также широким общественным сочувствием и особенно активной моральной и посильной материальной поддержкой всего одесского пролетариата. Достаточно будет отметить, что за время летней забастовки на одесских фабриках и заводах было собрано на поддержание забастовки моряков и передано в распоряжение стачечного комитета около 5 000 рублей.

Теперь же все складывалось иначе и гораздо сложнее. Забастовка моряками принималась как

тяжелая, неотвратимая необходимость. Задора нападения и стремления организоваться для нападения не было. Сопротивление нападению Ропита должно было строиться прежде всего на прочности и устойчивости уже существующего организационного аппарата. А этот аппарат, в лице правления «Регистрации», как уже сказано, в самый критический момент оказался негодным.

Произошел провал и по линии политического руководства. Со времени открытия «Регистрации» вокруг нее довольно широко развили свою работу политические партии, особенно социалисты-революционеры и анархисты различных оттенков. Было образовано большое количество кружков, в которых усиленно дебатировались программные вопросы и шла политико-воспитательная работа. Все эти кружки не вмешивались в текущую работу «Регистрации», руководимую социал-демократами, и не могли оказать своего влияния на проводившуюся конспиративно работу по подготовке отпора Ропиту в тот момент, когда он начнет свои враждебные действия против «Регистрации». Но эти кружки имелись, и они представляли собою внушительную силу, истинное значение которой развернулось лишь во время забастовки. Эти кружки охватывали не только наиболее распропагандированных моряков, но и портовых грузчиков и рабочих судоремонтных заводов, находившихся в порту. Их охват шел не по профессиональному, а по территориальному признаку. Объявление забастовки всколыхнуло эти кружки и выпустило на поверхность всю накопившуюся в них рево-

люционную энергию. Их активностью и влиянием среди массы остальных рабочих только и можно объяснить присоединение из чувства солидарности портовых грузчиков к забастовке моряков. Точно так же только в этом направлении могут быть найдены удовлетворительные объяснения той огромной волне сочувствия, какой встретили забастовку моряков рабочие судоремонтных заводов порта. При таких условиях создавалась полная возможность вызвать всеобщую забастовку в порту, при чем с самого начала эта забастовка носила бы определенный политический характер. И вот в этот решительный момент, когда от линии поведения политических партий зависело, развернется ли забастовка моряков в общее выступление одесского пролетариата, или же она ограничится узким кругом моряцких интересов, где-то было принято какое-то решение, из которого вытекало, что в данный момент расширять забастовку моряков нецелесообразно и что забастовка сочувствия, которую объявили портовые грузчики, должна быть прекращена. Мотивом такого решения выставлялось то, что в распоряжении стачечного комитета моряков нет достаточных денежных средств, на которые можно было бы поддержать на длительный срок забастовку портовых рабочих. Этот мотив, несомненно основательный с точки зрения кассы и денежных расчетов, сильно грешил против элементарных основ революционной стратегии. Надежды на удачный исход забастовки только одних моряков при таком обороте событий не увеличивались ни на грош, но сила самого выступления их не только при-

туплялась, но и теряла свой чисто политический характер: борьба сосредоточивалась вокруг интересов только одних моряков и развертывалась силами только одних моряков.

При таком ограничении сферы возможной борьбы, почти предоставленные самим себе, моряки должны были продолжать начатую борьбу.

То делегатское собрание, которое вынесло решение объявить забастовку, в самом пожарном порядке выбрало и стачечный комитет для руководства забастовкой. Случайный состав его оказался мало приспособленным для выпавших на его долю тяжелых обязанностей. Для нужного развертывания работы стачечного комитета требовалась прежде всего достаточная авторитетность его членов в глазах моряков, а это непременное условие работы почти отсутствовало. С первых же шагов, — если не минут, — деятельности стачечного комитета выяснилась повелительная необходимость строгой конспирации всех его действий и состава по отношению к полицейскому сыску, но никто из его членов этой выучкой в нужной степени не обладал и должен был ее приобретать в процессе работы. В этой неприспособленности стачечного комитета к предназначенной ему роли лишний раз обнаружилось преступление перед моряками, допущенное членами правления «Регистрации», устранившими себя от активного участия в руководстве забастовкой.

По начальным предположениям, созданным еще до объявления Ропитом локаута, намечалось в первые два-три дня забастовки устроить общее собрание

моряков. Но эти наивные расчеты на полицейское попустительство или нейтралитет сразу же были опрокинуты ходом развернувшейся борьбы.

В непродуманной уверенности, что начавшаяся забастовка не будет сильно отличаться от предшествовавшей летней, забастовавшие моряки направились на Николаевский бульвар, бывший почти в полном их распоряжении летом. Здесь они рассчитывали, по примеру прошлого, узнавать все новости, получать указания от стачечного комитета и действовать сообразно с ними. Но на этот раз у бульвара их останавливали полицейские посты, встречавшие так неприветливо, что морякам приходилось думать больше о резвости ног, нежели от обмене новостями и мнениями.

Это были первые проявления активного полицейского вмешательства в ход забастовки, указывавшие, что о летнем нейтралитете с этой стороны мечтать не приходится.

Охрана Николаевского бульвара от моряков была установлена на третий день их забастовки, когда стали несомненными ее значительные размеры и затяжной характер. До этого времени полиция не вмешивалась. Правда, закрывая «Регистрацию», она исправно шарила и искала всякую «литературу» во всех закоулках обширного помещения, которое занимала «Регистрация», но вела себя, на удивление всех моряков, очень вежливо. Никаких арестов при закрытии «Регистрации» произведено не было. Не было арестов и в первые дни забастовки на пароходах. Моряков, отказавшихся принять усло-

вия Ропита, на судах не задерживали, хотя они и уходили без своих вещей, показывая тем самым, что они примыкают к забастовке, а не просто уходят с парохода. Кроме того, никто из них не брал расчета за проработанное время. Видимо, первые два дня и Ропит и генерал-губернатор присматривались, как широко будет развиваться забастовка и нужны ли будут особые меры для ее подавления. И когда для них с несомненностью выяснилось, что им придется иметь дело только с одними моряками и что портовые грузчики после двухдневной забастовки приступили к работам, их осторожной наблюдательности пришел конец. Полиции был дан приказ приступить к действию по всей линии устрашения моряков, и полиция этот приказ усердно начала выполнять. Полицейские посты у Николаевского бульвара были первыми проявлениями начинавшихся полицейских репрессий.

Забастовка, начатая по призыву делегатского собрания моряков, приходившими в одесский порт пароходами принималась как неизбежное, но нужное дело. Команды сходили с пароходов дружно, будучи уверенными, что правлением «Регистрации» с своей стороны все сделано и все приготовлено для того, чтобы забастовка шла без сучка и задоринки, чтобы ее организационная сторона была налажена вполне удовлетворительно. Бесспорный деловой авторитет, приобретенный «Регистрацией» за время ее легального существования, автоматически переносился и на тяжелые дни начатой забастовки. Для огромной массы моряков, особенно плавающего состава, незнакомого или мало знавшего о внутренних трудных процессах,

происходивших в последний период существования «Регистрации», она представлялась могучей и стойкой, способной отразить какие угодно подвохи и прямые нападения. О том же, что во главе забастовки стоит уже не бывшее правление «Регистрации», а стачечный комитет с малоизвестным составом, они узнавали лишь после того, как оставляли свой пароход и присоединялись к общей массе бастующих.

Действительность, с которой сталкивались сходившие с пароходов моряки, их сразу же и горько разочаровывала. Она оказывалась мрачнее самых мрачных предположений, какие скептиками моряками высказывались против забастовки. Стремление поэтому лучше уяснить положение, наметить из него выход, организоваться для борьбы росло снежным комом среди забастовавших моряков. Сразу же вставал вопрос о необходимости устройства общего собрания. Было необходимо переизбрать или утвердить полномочия уже избранного делегатским собранием стачечного комитета, наметить общую линию поведения, заложить хотя бы общий костяк аппарата, закрепить связи между стачечным комитетом и массой бастующих, наладить помощь нуждающимся, то-есть при самых неблагоприятных условиях быстро приспособиться к новым и исключительно тяжелым условиям борьбы, сущность которых только теперь становилась для всех понятной и ясной.

Была сделана попытка устроить общее собрание моряков у Жеваховой горы, в степи, местности глухой и безлюдной, удаленной от города на изрядное расстояние, куда полиция обычно никогда не заглядывала.

Принять участие в этом собрании должна была вся масса моряков — несколько тысяч человек. Место было выбрано удачно, и обычный полицейский наряд не посмел бы тронуть трех- или четырехтысячную массу моряков, и на глазах полиции можно было бы собранию сделать свое дело и разойтись. Обилие булыжника под ногами давало достаточную защиту от полицейских нагаек и шашек и держало бы полицию на нужном почтительном расстоянии. Но и этот расчет оказался ошибочным. В массу бастующих с самого начала успело вкрапиться немало членов «Союза русского народа» и прямых агентов охранки. Они своевременно сообщили куда следует о предстоящем собрании. К моменту сбора моряков у горы в ее заброшенных каменоломнях было спрятано несколько сот конных и пеших городовых. Морякам дали возможность собраться, избрать председателя, приступить к обсуждению вопросов. И когда общее внимание было привлечено к этой работе, моряков атаковала вся полицейская армия, вооруженная ружьями, нагайками и резиновыми палками. Встретившие их было каменным дождем моряки скоро должны были рассеяться, преследуемые рассвирепевшей полицейской опричиной. Моряки потеряли около ста человек арестованными, которых частично вскоре же выслали этапом на родину; несколько сот из них было избито нагайками и резиновыми палками.

Стремление организовать забастовку общими силами было сорвано так неожиданно и решительно, что повторных попыток устроить новые общие собрания в таких размерах моряки не предпринимали.

Тогда же полицейские наряды появились и в порту, который принял вид осажденного города, охраняемого на всех проездах и переходах часовыми. Все вновь приходящие пароходы встречала полиция. Уже не судовая администрация, а полицейский пристав производил поименный опрос желающих оставаться служить на пароходах на условиях, объявленных Ропитом, и арестовывал всех тех, кто заявлял о своем желании покинуть пароход, хотя бы и по собственной надобности. Всех отказавшихся от работы под конвоем отправляли в полицейский участок.

Туда же должны были явиться и те моряки, которые в первые два дня беспрепятственно сошли с пароходов и начали забастовку. Ропит, а вслед за ним и другие судовладельцы отправляли в полицию вещи, деньги и паспорта, принадлежавшие забастовавшим. Так как без денег и вещей и особенно без паспорта прожить бастующим морякам в городе было невозможно, то они за их получением сами должны были направляться в портовый полицейский участок. Это дало возможность начать полицейскую регистрацию всех забастовщиков и полицейско-жандармский отсев всех неблагонадежных, на которых указывали агенты охранки, члены «Союза русского народа», судовая администрация или судовладельцы. Только переходившие на нелегальное положение моряки могли избавиться от этой полицейской операции и обязательного визита в участок. Тесный союз полиции, судовладельцев и «Союза русского народа» в мертвую петлю зажимал массу моряков, пытаясь уничтожить у них желание бороться за свою «Реги-

страцию». Вступление в забастовку при таких условиях требовало немало гражданского мужества, но тем не менее поначалу штрейкбрехерство среди моряков было очень редким явлением, и из них для этой гнусной работы выделились поначалу лишь единицы.

Особо нужно отметить, что одним из первых штрейкбрехеров, предательство которого особенно отвратительно, был член правления «Регистрации», бывший кочегар Иван Великий, проявлявший в «Регистрации» особую революционность при обсуждении всяких деловых вопросов и сразу же после объявления забастовки поступивший на пароход, на заманчивую для него должность машиниста.

Уходя в первые два дня забастовки с пароходов, моряки по собственному выбору оставляли в каждом помещении для команды, для матросов и кочегаров по одному человеку для охраны оставляемых вещей. Позже, как общее правило, все эти сторожа моряцкого добра невольно превращались в штрейкбрехеров, но и в этом случае они все же продолжали оказывать забастовке посильную помощь. Считая свою измену общему делу вынужденной и их не порочащей, они давали забастовавшим товарищам самые точные и свежие сведения о всем происходившем на их пароходах и о всех появлявшихся на них настоящих штрейкбрехерах. Боязнь разоблачения таким путем удержала от штрейкбрехерства немало старых колебавшихся моряков.

Настоящее же штрейкбрехерство, а вместе с ним и срыв забастовки носили строго организованный характер.

Главную работу в этом грязном деле, как того и нужно было ожидать, взял на себя «Союз русского народа». Добрых молодцев для всяких хулиганских действий в нем накопилось достаточно, и Одесса хорошо успела узнать «желторубашечников» с резинами в руках, успевших учинить немало избиений носителей модных тогда цветных рубах: черных — анархистов, красных — эсеров и синих — эсдеков. Они сразу же были двинуты на пароходы для устрашения и замены бастующих.

В деле устрашения они постарались немало, но для службы на пароходах, где нужно много и тяжело работать, весь этот сброд оказался негодным. После того как они избили своими прославленными резинами несколько пассажиров евреев и подрались с портовыми грузчиками, потерпев от них в прямом бою жестокое поражение, их из порта убрали и на пароходы больше не назначали.

Вслед за молодцами из «Союза русского народа» в порт из разных мест понаехали другие, пугливо и беспомощно озиравшиеся, не знавшие, для какого дела они были наняты, но не боявшиеся тяжелого труда, настоящие безработные пролетарии. Их размещали на пароходы, их ускоренным темпом дрессировала судовая администрация, и их темнотою и мускулами начали выталкивать судовладельцы свои пароходы из Одессы.

Вскоре появились и настоящие штрейкбрехеры из среды забастовавших моряков, соблазняемые службой или высокой поденной платой, вышедшие из ропитовской «Регистрации».

В первый же день забастовки Ропит, исполняя свои обещания и план, открыл во дворе своей главной конторы запись безработных моряков для назначения на открывающиеся вакансии на пароходах. Открытая таким образом запись обозначала не только вербовку штрейкбрехеров, но и попытку использовать одну из основных идей «Регистрации» — очередную посылку на работу — в своих целях, в целях разгрома настоящей моряцкой «Регистрации».

Поначалу запись шла успешно, как того и можно было ожидать при многотысячном скоплении безработных моряков о Одессе и остром недовольстве среди них длительным ожиданием службы. Вполне понятно, что, в целях прорыва общего настроения моряков, в числе первых записались бывшие записанными и в очередях «Регистрации» члены «Союза русского народа» и агенты охранки. Эти не только записались, но и убеждали записываться настоящих моряков, уверяя их, что все их товарищи уже давно записались. Эти провакационные слухи немало сбивали с толку моряков - забастовщиков, и они шли также записываться или проверить, как идет запись предателей. Число желающих записаться в очередные списки быстро росло, и скоро весь двор главной конторы Ропита переполнился моряками. Здесь, в ожидании якобы очереди записи или назначения на пароход, собирались толпы бастующих. Происходил обмен мнениями, новостями, творилось и создавалось общее настроение. Неожиданно для моряков была найдена хотя и узкая, но все же отдушина, где они могли встречаться без боязни немедленного же полицейского

вмешательства. Это непосредственное общение моряков сильно испортило умно разработанный Ропитом план вербовки штрейкбрехеров из среды самих же забастовавших. Во двор главной конторы двинулись все моряки, все они записывались, чтобы легализовать свое пребывание, — и тут же делились на две группы: стремившихся попасть на пароходы, составлявших меньшинство, и других, следивших за теми, кто решится стать штрейкбрехером, для того, чтобы тут же принять нужные меры или предупредить о предстоящей неизбежной расправе за измену общему делу. И несмотря на то, что эти следившие должны были ухо держать востро и не выдавать себя многочисленным охранникам, сновавшим в толпе моряков, их угрозы по адресу поколебавшихся доходили и свое действие на них оказывали. В результате получалось странное и неожиданное для инициаторов записи положение: в очередных списках желающих служить было записано много, почти тысяча человек, а при вызове для назначения на пароходы этих записанных налицо не оказывалось, или у них находились причины, по которым именно в данный момент они итти на службу никак не могли. Этот общественный массовый контроль повел к тому, что штрейкбрехеры из среды моряков устраивались на службу на пароходы путем непосредственных переговоров с судовой администрацией, тайно от своих товарищей, и потому их число не могло быть значительным. Ропитовская регистрация оказалась мертворожденной. А после того, когда развернулся экономический террор и около главной конторы Ропита был убит капитан Сенкевич моряком анархи-

стом, скрывавшимся до этого в толпе безработных, новую регистрацию закрыли, и моряков, скоплявшихся во дворе главной конторы, полиция стала разгонять.

Но несмотря на всяческий вред, который могли причинить забастовке все вольные и невольные штрейкбрехеры, с одной их помощью совсем забастовку Ропиту сорвать не удалось бы. Самым сильным ударом для нее был отказ команды парохода, пришедшего в порт дней через десять после начала забастовки, сойти на берег и присоединиться к забастовавшим товарищам.

Забастовка держалась именно на этом обязательном для всех членов «Регистрации» оставлении пароходов, как только они попадали в Одессу. Тот, кто заменял сошедших, был штрейкбрехером. Деление среди моряков на своих и врагов было ясным и бесспорным, и оно определялось отношением к «Регистрации», борьбой за или против нее. Но после того, когда вся команда парохода целиком отказалась принять участие в общей борьбе за «Регистрацию» и объявила эту борьбу в настоящий момент бессмысленной, положение усложнялось, и ясный прежде признак деления терялся. Отказавшиеся сойти с пароходов были не просто штрейкбрехеры. Они свои действия аргументировали тем, что они не желают повторять уже сделанную и ставшую самоочевидной ошибку своих товарищей и сходить с пароходов только для того, чтобы немедленно же быть замененными штрейкбрехерами. Они выдвигали новый призыв — оставаться на пароходах, ожидать весны, когда условия борьбы для моряков будут более благоприятными,

и тогда начать новую забастовку за «Регистрацию». Их позиция была сильна тем, что забастовавшим морякам не удалось не только прекратить, но и даже сильно расстроить движение пароходов, то-есть достигнуть того, что составляет единственную реальную силу их забастовки. В единой до сих пор оценке бастующих моряков деления на своих и чужих обнаружился резкий раскол, дававший возможность пышному процветанию всяких сплетен, слухов и дрязг, еще более нарушавших столь необходимое единство в борьбе и служивших оправданием для дальнейшего развития штрейкбрехерства в среде моряков.

Почти уверенно можно сказать, что первый отказ всей команды парохода сойти на берег явился по существу действительным и фактическим началом конца забастовки. После него была длительная агония забастовки, а не ее нормальное течение.

IV

В момент закрытия «Регистрации» и объявления забастовки меня в Одессе не было. Вместе с Адамовичем, председателем правления «Регистрации», я был в Петербурге и принимал участие в работах комиссии при особом совещании по выработке проекта уложения о торговом мореплавании, под председательством сенатора Карницкого. Это совещание состояло при главном управлении портов и торгового мореплавания.

Комиссия, выделенная из совещания, рассматривала и подготавливала проект нового закона «о реги-

страции судовых команд и морских конторах». Принять участие в ее работах «Регистрация» получила официальное приглашение вместе со всеми другими легально тогда существовавшими союзами моряков в Одессе, Архангельске, Риге, Петербурге, Баку и Астрахани. Правительство делало попытку получить одобрение самих моряков своему бюрократическому творчеству в непривычной для него области рабочего законодательства.

Так как о работе этой комиссии, с участием в ней представителей профессиональных союзов, почти ничего не известно и так как она тоже занималась вопросом о «регистрации», то будет не лишним сделать здесь небольшое отступление и сказать о ней несколько слов. И это тем более, что внутренняя связь между позицией Ропита и позицией министерства по вопросу регистрации моряков наглядно вырисовывается в содержании и характере работы комиссии.

Желая обеспечить военный флот вполне пригодными кадрами подготовленных торговых моряков, с одной стороны, и усилить цеховистские стремления у моряков торгового флота и тем самым отвлечь их от политики — с другой, царское правительство, под влиянием идей Зубатова, своеобразно преломленных в морской среде, пришло к мысли создать специальное сословие моряков, замкнутое подобно казакам, имеющее некоторые привилегии, но вместе с тем связанное и определенными выгодными для государства обязательствами. Это сословие предполагалось создать из приморских жителей, рыбаков и моряков-профессионалов и предоставить ему если не монопольное, то

во всяком случае преимущественное право службы на судах торгового флота. Признаком принадлежности к этому сословию должны были служить мореходные книжки, которые выдавали бы особые морские конторы, открываемые в приморских городах. Предполагалось, что комплектация военного флота будет производиться преимущественно за счет молодых моряков, имеющих мореходные книжки.

Такова была основная идея царской регистрации. Возникла она около 1902 года и в следующем 1903 году обсуждалась при одесском биржевом комитете после забастовки, вызванной агентом Зубатова Шаевичем, в которой моряки приняли очень деятельное и даже первенствующее участие. О намерении ввести «регистрацию» услышали и команды на пароходах. Если не во всех своих частях, то в некоторых отношениях идея регистрации вызвала очень живой и сочувственный отклик среди моряков. Заполнив идею «регистрации» своим содержанием, они на долгий период своей революционной жизни, вплоть до 1917 года, выставили ее как знамя своей классовой борьбы.

В комиссии сенатора Карницкого, если оставить в стороне разные малоинтересные и технические подробности проекта, должны были подвергнуться обсуждению четыре основных вопроса:

1) кто имеет право открытия морских контор;

2) кто должен стоять во главе этих контор;

3) должна ли регистрация быть факультативной или нефакультативной;

4) какова должна быть компетенция морских контор.

Вполне понятно, что то или иное решение этих вопросов определялось составом участников комиссии: в ней были представлены чиновники министерств, руководители крупнейших мореходных предприятий, в том числе и Ропита, представители союза моряков и наконец морских домов, уже существовавших в некоторых портах Балтийского моря в качестве казенных учреждений полублаготворительного типа (правительственных бордингаузов).

В состав союзной, для нас наиболее интересной группы входили представители союзов или смешанных, объединявших судовые команды и судовую администрацию, в которых главенствующую роль играла судовая администрация, или объединявших только судовую администрацию. И лишь я и Адамович, мы оба, представляли чисто пролетарскую «Регистрацию», вхождение в которую и членство судовой администрации запрещалось уставом.

При таком соотношении сил представители «Регистрации» легко и даже неизбежно должны были оказаться в изолированном положении и на крайнем левом фланге. Но поначалу внешнее распределение сил сложилось несколько иначе.

Приехав в Петербург и быстро связавшись с делегатами других союзов, мы, то-есть Адамович и я, ускорили созыв предварительного совещания всех союзных делегатов для того, чтобы наметить, по возможности, общую линию поведения в комиссии. Кроме того, для нас представлялаеъ возможность если не практически сразу же поставить вопрос об образовании всероссийского объединения моряков,

то хоть основательно позондировать и расчистить почву в этом направлении, и во всяком случае проверить, насколько жизненной и практически осуществимой будет такая идея в данный момент.

Энергия и вполне определенная позиция, с которой выступил Адамович на совещании делегатов, при общей их политической рыхлости, дали возможность создать нечто похожее на временное соглашение, платформу, с какой делегаты союзов могли выступить в комиссии сенатора Карницкого. Общая позиция союзных делегатов по основным четырем вопросам сводилась к следующему.

1. Право открытия морских контор должно быть предоставлено исключительно профессиональным организациям моряков, и только в тех портовых городах, где таких организаций не будет, — общественным городским самоуправлениям.

2. Вполне понятно, что во главе морской конторы должны стоять лица, избранные общим собранием моряков данного района.

3. Регистрация моряков должна быть обязательной, то-есть такой, какая уже имелась в одесской «Регистрации» моряков.

4. В компетенцию морских контор должна входить не только обязательная регистрация, но и посылка моряков на освобождающиеся вакансии, согласно очередным спискам безработных, разбор всех недоразумений, возникающих между командами, с одной стороны, и судовой администрацией и судовладельцами — с другой, на почве нарушений или толкований действующих правил или обычных условий морской

службы, в том числе и соглашений, какие могли быть заключены между моряками и судовладельцами данного района или судна.

По существу эта позиция формулировала лишь те завоевания, какие уже имела «Регистрация» черноморских моряков, и теперь их приходилось защищать лишь со стороны новых врагов.

Сговорившись на этой позиции, лойяльность которой для других делегатов подтверждалась фактом существования «Регистрации», Адамович перешел ко второму интересовавшему нас вопросу — вопросу о возможности осуществления всероссийского объединения моряков.

Несмотря на более теоретический характер этого вопроса, сговориться с делегатами других морей оказалось, гораздо труднее. Принципиальных возражений не было. Опасения большинства делегатов сводились к «революционности» самой мысли о таком объединении, к боязни нарушить свою лойяльность и оказаться, если не совсем красными, то их союзниками. Видя настороженное отношение к нам, Адамович порешил начать обработку каждого делегата в отдельности и не настаивал пока на какой-либо договоренности по части совместных планов и действий для создания всероссийского союза моряков, чтобы не разбить хрупкого соглашения по конкретным вопросам, какие предстояло защищать в комиссии сенатора Карницкого.

Но все наши подготовительные старания оказались в значительной степени излишними. На первом же заседании комиссии стало ясно, что нам дадут гово-

рить все, что мы найдем нужным сказать, все это заслушают в порядке обмена мнениями, быть может запишут в протокол, и потом, когда мы уедем, чиновники министерства будут решать, кто прав и кто неправ из высказавшихся на заседаниях. И вполне понятно, что правыми должны были оказаться больше молчавшие на заседаниях и записывавшие чужие мысли чиновники, хотя бы уже по одному тому, что на их долю приходилось эти мысли формулировать на бумаге и из них делать выводы. Вся комиссия имела характер по существу безобидного говорения, на этот раз отличавшегося от обычных бюрократических комиссий лишь уступкой «духу времени», приглашением новых участников — представителей союзных организаций.

Не имея тогда достаточного опыта, мы оба, Адамович и я, поначалу работы комиссии рассматривали как нечто серьезное и заслуживающее с нашей стороны надлежащего отпора во всех тех случаях, когда задевались интересы массы моряков. А они задевались всем ходом и содержанием работы комиссии.

Выступление Адамовича в комиссии имело поначалу резко наступательный, энергичный характер. Это сразу же привлекло общее внимание к нам обоим со стороны всех остальных членов комиссии, кроме уже знавших нас делегатов от союзов моряков. Это внимание, наш обычный внешний демократический вид, непривычная точность и энергия в формулировках при развернувшихся тихим бюрократическим ручьем прениях — сразу же нас выделили на положение белых ворон. Нас не столько слушали, сколько

наблюдали за тем, как мы себя ведем, сидим, пьем чай или кофе с очень вкусным министерским печеньем. С своей же стороны мы усердно старались во время заседаний точнее формулировать свои позиции, а во время антрактов — их достаточную безобидность для того, чтобы они могли быть приняты в основу царского законопроекта. Надежды на прямой успех этих стараний у нас не было, и не этот успех был нашей целью. Зная уже о телеграмме Коновницына и подготовке Ропита к нападению на моряков, нам нужно было, пользуясь случаем, посеять хотя бы временный разброд в среде врагов «Регистрации» для того, чтобы протянуть ее существование до лучших дней и весеннего солнца и тогда принять бой.

На этой почве создавались порою курьезные положения. Рассматривая нас как редких и достаточно занятных «белых ворон», застарелые бюрократы с нами вели весьма либеральные разговоры и еще более усиливали дух вольнодумства, внесенный нами в работу комиссии.

Этот начинавший по своей безобидности становиться идиллическим общий характер работы комиссии неожиданно и сразу же был резко нарушен.

Просматривая перед очередным заседанием комиссии газеты, кто-то из нас, я или Адамович, прочел телеграмму из Одессы о закрытии «Регистрации» и начавшейся забастовке моряков. Это известие своей полной неожиданностью нас оглушило. Нужно было на него реагировать, но сговориться нам между собою не удалось: открылось заседание. Все же Адамович успел мне бросить:

— Нужно устроить скандал и ехать в Одессу.

В ответ я кивнул головою, не зная, как дальше могут развернуться события.

Адамович же обратился к председателю с просьбой разрешить ему сделать внеочередное заявление. В его голосе и напряженности позы сразу же почувствовалось нечто необычное. Комиссия насторожилась.

— Делайте ваше заявление, господин Адамович,— очень любезно сказал сенатор Карницкий, опасливо к нему приглядываясь.

— Мы, представители Черноморской «Регистрации», — начал Адамович, — узнав из сегодняшних газет о закрытии «Регистрации» по распоряжению одесского генерал-губернатора, считаем ниже своего достоинства оставаться здесь и продолжать работать с представителями правительства, которое одной рукой собирается насаждать учреждения, подобные Черноморской «Регистрации», а другой закрывает уже существующие и тем самым спровоцировало забастовку черноморских моряков. Мы приглашаем к такому же отказу от работы и всех других представителей союзов моряков.

Сказал, резко двинул стоявшее за ним кресло и крупным шагом, не оглядываясь, направился к двери. На мою долю осталось лишь повторить за ним такой же резкий толчок в неповинное кресло и так же решительно направиться к двери.

Впечатление от декларации Адамовича было огромное. Под этим впечатлением вслед за мною вышли представители Одесского союза судовой администрации, Петербургского, Архангельского и Астрахан-

ского союзов. Неподвижным остался на своем месте лишь представитель Бакинского союза судовой администрации, весьма внушительного вида капитан, с первой же встречи обдавший меня и Адамовича невыразимым презрением.

В вестибюле мы остановились в нерешительности: а дальше что? К нам присоединились вышедшие из зала заседания делегаты других союзов. Начался оживленный обмен мнений. Из залы заседания выбежал Ольхин, член правления Ропита.

— Господа, что вы делаете? — обратился он к нам.

Адамович начал с ним объясняться. Ольхин оттащил его от нашей группы. Через пять минут они разошлись. Адамович подошел ко мне.

— Мне придется задержаться здесь. Ольхин уверяет, что закрытие «Регистрации» произошло для них неожиданно и что он будет настаивать на ее открытии. Нужно все это выяснить. Зимою наши шансы на успех очень слабы, и недостаток силы, быть может, придется заменить дипломатией.

На том мы и условились: Адамович остался в Петербурге вести переговоры с правлением Ропита, а я немедленно же выехал в Одессу, чтобы принять участие в забастовке.

Таким образом в общий ход уже начавшейся забастовки неожиданно вплелся новый фактор — очень быстрое оформление отношения к ней со стороны министерства. Дальнейшее развитие событий показало, что с его стороны, как и следовало ожидать, ничего не было сделано для сохранения «Регистрации», хотя бы и в измененном виде, несмотря на то, что

разрабатываемый им законопроект и ставил своей задачей создание подобных учреждений, правда, под надлежащей бюрократической опекой и с вполне благонамеренными целями. Точнее будет сказать, что после забастовки черноморских моряков вопрос о создании, хотя бы и под правительственным контролем, морских контор был снят с обсуждения.

V

В Одессу я попал лишь на четвертый или на пятый день забастовки, когда уже начал определяться ее характер и возможный исход. Адамовичу же не повезло. Выехав в Одессу после бесплодных переговоров с правлением Ропита, он был арестован на одесском вокзале и посажен в тюрьму. Никакого участия в зимней забастовке по этой причине он не принимал.

Но и мое участие в ней не могло быть большим. Еще до поездки в Петербург я должен был перейти на нелегальное положение. Работая в комиссии под своей фамилией, я был прописан по скверно сделанной фальшивке на свою фамилию. В таком же положении был в Петербурге и Адамович. Мы оба, живя по фальшивым паспортам, в комиссии выступали под собственными фамилиями. Там, по разным соображениям, полиция могла нас не трогать, но в Одессе положение было иное. Здесь уже не приходилось и думать о выступлениях под собственным именем. Два шпика, сопровождавшие меня от Петербурга до Одессы, от которых я лишь случайно ускользнул

на одесском вокзале, служили лучшим доказательством тому, что я взят под должный контроль и наблюдение. Зная об этом, я должен был заботиться не столько о продлении своего «свободного» существования, которое не раз тогда для меня было в тягость, сколько о том, чтобы не сыграть роль невольного «наводчика». Посещая определенные квартиры и лиц, я мог тем самым открыть их следившим за мною шпикам. Надеяться на широкую осведомленность, на возможность постоянных встреч и общения с широкими массами моряков мне почти не приходилось. И в то же время положение дел забастовки требовало от меня самой напряженной работы. Оказавшись в таком положении, я не раз искренно завидовал Адамовичу, когда узнал об его аресте. Но сожаление— сожалением, а работа — работой.

С трудом отыскал я Александра Клочко, единственного из членов правления «Регистрации», активно работавшего в стачечном комитете. В «Регистрации» он долгое время исполнял обязанности казначея, и теперь все остатки финансовых средств «Регистрации» находились у него.

От Клочко я узнал, что стачечный комитет, выбранный сразу на делегатском собрании, распался, а действующий имеет случайный состав и фактически подбирался скорее по признаку активности, нежели в результате выборов или кооптации. Постоянно работающих в нем было человек пять-семь. Их основным занятием было оказание продовольственной и денежной помощи наиболее нуждающимся морякам и их семьям. Серьезного влияния на бастующих,

прочных организационных связей с моряками у стачечного комитета не имелось.

Мы долго судили вдвоем о том, что нам делать и как поправить становившееся с первых же дней критическим положение забастовки, но ничего придумать не могли. Устроили два-три заседания стачечного комитета, еще яснее помогли усвоить себе и членам стачечного комитета всю трудность положения, общими усилиями постарались наладить некоторое подобие отчетности в расходовании денежных средств забастовочного фонда, установили связи с Бюро профессиональных союзов в Одессе и... ничего не смогли сделать для организации бастующей массы моряков, то-есть самого важного, что от нас требовал момент.

От нашей общей деятельности все же получился некоторый моральный эффект. Моряки почувствовали, что что-то задвигалось, зашевелилось, появилась какая-то организация, которая усиливает и улучшает материальную помощь им. Почувствовав веяние свежей струи, они ободрились. После же того, когда в Одессу неожиданно приехал Яша Вехов, член правления «Регистрации», сразу же исчезнувший после ее закрытия, не взяв, подобно другим, 100 рублей, среди моряков настроение поднялось еще больше. Для них создавалось впечатление, что дело забастовки снова попадает в старые, им уже известные и на опыте проверенные руки. Создавался центр организационного притяжения, и центростремительные силы в общей массе моряков стали успешнее бороться с центробежными, до этого почти не встречавшими организованного сопротивления.

Но положение стачечного комитета все же было очень тяжелым. Он тщетно искал и не мог найти таких мероприятий или действий, которые помогли бы ему удержать забастовку от начинавшегося развала. В качестве выхода из положения мною и Клочко было предложено пригласить в состав стачечного комитета официальных представителей двух политических партий — социал-демократов и социалистов-революционеров — с тем, чтобы с их помощью снова приступить к разрешению по существу ставшей почти неразрешимой задачи — организации бастующей массы моряков.

Для стачечного комитета пополнение его состава таким способом было очень серьезным вопросом. Не только для меня и Клочко, но и для всех остальных членов стачечного комитета было ясно, что мы способны лишь лучше или хуже наладить продовольственную часть забастовки, слегка поддержать немногочисленными встречами с моряками настроение бастующей массы, но дальше итти не можем. Между тем, для всех было бесспорным, что в забастовку нужно влить какое-то новое содержание, способное пробудить веру в успех, вызвать активизацию масс и создать какую-либо организационную связь. По общему признанию в этом могли нам оказать какую-либо помощь лишь политические партии.

Но, с другой стороны, приглашение специальных представителей партий в состав стачечного комитета обозначало прямое и безоговорочное признание перед широкими массами моряков непосредственной связи чисто моряцкой борьбы за свои интересы, за свою

«Регистрацию», с интересами и борьбой политических партий. Оно означало даже более: признание, что без помощи политических партий моряки не могут изолированно вести свою борьбу и дать отпор судовладельцам. Оно вводило моряков в общее русло классовой борьбы пролетариата, и вводило не на основании теоретических рассуждений, а в результате развернувшейся логики событий и положения.

Всю предшествующую борьбу свою с судовладельцами моряки, в общей массе своей, вели как бы самостоятельно и в массе своей считали, что их выступления не имеют политического характера. Этот наивный самообман, вытекавший из профессиональной замкнутости моряков и отсутствия у основной массы достаточного разностороннего опыта в борьбе за свои интересы, подвергался теперь самому серьезному испытанию в такой форме, когда увильнуть от прямого ответа было нельзя и когда каждый участник забастовки должен был вполне сознательно определить свое отношение к решению, принятому стачечным комитетом.

Для стачечного комитета приглашение в свой состав представителей политических партий, без участия и разрешения этого вопроса всей массой моряков, обозначало ставку, от разрешения которой зависело его дальнейшее существование. Если решение это масса моряков одобрит, авторитет стачечного комитета поднимется, перед ним значительно расширятся возможности организации забастовки; если осудит, — он теряет остатки своего влияния и должен будет прекратить свою работу.

В самом стачечном комитете дискуссия продолжалась недолго, и решение пригласить официальных представителей партий было принято единогласно. Вызвало прения лишь выдвинутое кем-то предложение пригласить также и представителей анархистов, но в отношении их в конце-концов договорились на том, что они, если захотят, пусть входят, но специально приглашать их не следует.

Исключительная трудность положения забастовки пробила солидную брешь в прежней чисто «моряцкой» психологии широких масс, и возражений против привлечения «политики» в «наши дела» не было. Широкие массы моряков, узнав о новом пополнении состава стачечного комитета, оживились еще более, и на некоторый короткий период забастовка моряков приняла почти организованный характер.

Заслугу легкого пробития этой бреши нужно почти целиком отнести за счет работы кружков различных политических партий, и в этом случае выполнивших трудную задачу перевода массовой психологии с рельсов узкого профессионализма на рельсы общеполитического движения.

Реконструированный и располагавший почти постоянным и определенным составом стачечный комитет приступил к работе. Регулярные заседания, техническая помощь со стороны представителей политических партий по части печатания воззваний и листовок дали возможность устранить ряд серьезных недоразумений, какие наблюдались раньше при выдаче билетов на обеды одиноким и денежных пособий семьям нуждающихся моряков. Кроме того

через партийные организации в кассу стачечного комитета начали поступать денежные суммы, которые собирались рабочими Одессы на помощь бастующим морякам. В распоряжении стачечного комитета оказался большой кадр моряков-партийцев, с помощью которых наладилась летучая, но все же достаточно прочная связь со всей массой бастующих и с пароходами. Если этот кадр поначалу и не мог развернуть какой-либо прямой активной работы, то все же им выполнялась очень важная функция по рассеиванию всяких вздорных и провокационных слухов о растратах и хищениях моряцких денег. Особенно же этот кадр моряков-партийцев помог наладить продовольственную помощь бастующим. И наконец стачечный комитет получил возможность печатать в нелегальных партийных типографиях листовки и извещения морякам о ходе забастовки и наиболее важных решениях стачечного комитета.

При существовании «Регистрации» при ней имелась особая столовая, носившая характер морского клуба. В этой столовой тогда безработные моряки в кредит получали обеды. В глазах «истинно-русских людей» она была, пожалуй, еще более неприятным бельмом на глазу, нежели сама «Регистрация». Вел в ней все дела и хозяйничал Яков Вехов или, как его тогда прозвали, Яша-Кормилец.

И теперь, использовав какие-то таинственные связи с либеральствовавшей интеллигенцией, он вошел в соглашение с дамами-благотворительницами Общества трезвости и по их рекомендации договорился с заведывающей столовой этого общества в порту

на продажу ему до 300 билетов на обеды. Через несколько дней количество обедов ему удалось увеличить еще больше, а через дам-благотворительниц добиться того, что моряков из столовых Общества трезвости полиция не разгоняла. Ему удалось сразу убить двух зайцев: обеспечить обедами всех нуждающихся одиноких моряков и дать им возможность, хотя бы и на короткое время, легально сходиться в одном месте, обмениваться мнениями и начать снова жить общей жизнью. Здесь же во время обедов на пять-десять минут иногда появлялись члены стачечного комитета и устраивали летучие митинги. Таким образом Яше Вехову удалось при самых тяжелых условиях восстановить некоторое подобие закрытой моряцкой столовой-клуба и наладить непосредственную связь между стачечным комитетом и всей бастующей массой моряков.

VI

Но забастовка все проваливалась. Со стороны Ропита или других судовладельцев не было заметно ничего такого, что говорило бы об их желании начать какие-либо переговоры с бастующими. Выходило так, что они просто не замечают забастовки и игнорируют наличие бастующих моряков. Они применяли тот метод, какой так сильно ударял по ним в первый период недавней забастовки моряков. Тогда моряки, забастовав, сразу никаких требований не предъявили. Получилось странное и мучительное для пароходных предприятий положение: их служащие бастуют, ни-

каких требований не предъявляют и как будто игнорируют своих хозяев. И вот эту убийственную в атмосфере напряженнейшей борьбы тактику игнорирования противника судовладельцы применили к забастовавшим морякам. Метод борьбы судовладельцев всего лучше показывал, как изменилось соотношение сил и как слабы были шансы моряков на успешный для них исход их забастовки.

Эта тактика игнорирования ставила стачечный комитет в исключительно тяжелое положение. Он мог блестяще справляться со всеми своими остальными обязанностями, но не мог сделать самого важного — не мог воздействовать на позицию судовладельцев и начать хоть какие-либо переговоры с ними. Трудность положения усугублялась еще тем, что сам стачечный комитет не мог, будучи на нелегальном положении, начать по своей инициативе прямые переговоры с судовладельцами. Сделать это значило тогда просто передать себя в распоряжение полиции и жандармов, так как понятно, что из подполья и на расстоянии никакими серьезными и двусторонними переговорами с судовладельцами стачечный комитет заниматься не мог.

Вслед за первым пароходом, команда которого отказалась принять участие в забастовке, нашлись и другие, последовавшие этому заразительному примеру. Количество моряков, примыкавших к забастовке, все уменьшалось, количество же штрейкбрехеров быстро росло. Если не считать усиленных полицейских постов да бесчисленной армии сыщиков, сновавших по всем направлениям в порту, портовая

жизнь принимала свой обычный характер. Пароходы приходили, меняли полностью или частично состав своей команды, а часто начинали обходиться и без этого, выгружались, нагружались и снова уходили в рейс. Незначительные перебои, в виде запоздания срочных пароходов, да редкие кучки покидающих суда моряков, которых полиция перестала задерживать, если они брали полный расчет и вещи с парохода, в счет не могли итти, и из них для постороннего глаза даже видимости забастовки создать было нельзя. Постепенно накоплялось и в конце концов к середине декабря оформилось странное положение: имелось свыше пяти тысяч моряков, которые считали, что на объявленный им локаут они ответили забастовкой и продолжают бастовать, — и почти ни одного стоящего без дела по причине забастовки парохода.

И все же борьба происходила, и борьба весьма напряженная. На плавающих пароходах развилось отчаянное воровство. Набранные штрейкбрехеры тащили груз и вели им торговлю во всех портах, куда заходили пароходы. Самое внимательное наблюдение за ними со стороны судовой администрации не помогало. По той ловкости, с какой опоражнивались бочки с вином или чемоданы с багажом, при полной их наружной целости, можно было судить, что это дело рук опытных и свое воровское дело знающих людей. Непривычная к судовой работе команда, скверно и наспех обученная, не умела справляться с судовыми грузовыми кранами и лебедками, била и ломала груз во время погрузки и выгрузки. Береговые грузчики, из симпатии к морякам и ненависти

к судовладельцам, также по мере сил способствовали порче и хищению грузов.

Аварии с пароходами, о которых не всегда можно было сказать, являются они вольными или невольными, стали каждодневным явлением. На некоторых пассажирских пароходах были случаи ранения и даже смерти пассажиров вследствие неопытности команды во время судовых работ. На круговом александрийском пароходе сорвавшимся с барабана лебедки стальным канатом убило четырех паломников-мусульман. Судовая жизнь и работа были вконец расстроены, администрация пароходов сбивалась с ног, пытаясь ее хоть сколько-нибудь наладить, настаивала перед судовладельцами на присылке опытных моряков, участвовавших в забастовке.

Но строить расчеты на успех забастовки только на таких ее результатах было легкомысленно. Перед стачечным комитетом, как и перед всей массой моряков, продолжал стоять грозный вопрос, что же дальше делать: продолжать ли сидение на берегу, или признать себя побежденными и итти проситься на пароходы. Но и прекратить забастовку было не так легко и просто, так как движение судов было почти нормальным и все пароходы укомплектованными. Для каждого было ясно, что на работу всех забастовавших судовладельцы вновь не возьмут, так как, кроме сошедших с пароходов, участниками забастовки считали себя и все безработные. Для огромной массы моряков ничего другого не оставалось, как продолжать оставаться на берегу и думать, что они продолжают забастовку и ведут борьбу с судо-

владельцами. И вполне понятно, что для реального выражения этой борьбы нужны были какие-то новые средства, новые способы воздействия.

Безысходность своего положения моряки предъявляли своему стачечному комитету и требовали от него мер, чудотворных действий, которые могли бы изменить положение и дать успех по существу уже умиравшей забастовке. Стачечный комитет в свою очередь с тем же запросом мог лишь обратиться к официальным представителям партий, вошедшим в его состав, и поддержать вызванную ими же сразу дискуссию о принципиальной допустимости экономического террора, как единственного средства, оставшегося в распоряжении моряков и ими еще не испытанного. Эту идею выдвинули анархисты-синдикалисты и социалисты-революционеры, но она и без того носилась в воздухе.

Но поставить вопрос еще не значило легко и скоро его разрешить. Если он был новым для моряков, то для политических партий и их официальных и неофициальных представителей в стачечном комитете это был старый и уже давно разрешенный вопрос. Новая дискуссия не могла заставить их изменить обязательные партийные точки зрения, и потому внутри стачечного комитета она неизбежно превратилась в схоластический спор, когда больше говорили о сущности вещей, нежели о самих вещах, то-есть о том, что же нужно делать морякам сегодня или завтра.

Хорошо помню заседание стачечного комитета 6 декабря. Мы собрались в четвертый или пятый раз обсуждать вопрос об экономическом терроре. Сходи-

лись лениво, медленно, словно для исполнения докучливой служебной обязанности. Заседание шло тоскливо и нудно; у всех участников было ощущение никчемности происходящего спора. Но вместе с этим для каждого было ясно, что отбросить вопрос нельзя, что обсуждение и решение его выдвигала настойчиво жизнь.

Был вечер. Из порта доносились редкие гудки пароходов. Послышался густой бас отходившего в александрийский рейс «Императора Николая II», большого пассажирского парохода Ропита.

— Уходит! — произнес кто-то тихо и злобно.

Все напряженно прислушались, чтобы получить еще лишнее подтверждение тому, что пароход действительно уходит, что забастовке, дальнейшее развитие которой мы обсуждаем, наносится новый очередной удар.

Внезапный резкий глухой звук недалекого взрыва заставил нас вскочить на ноги.

— Что это?

— Из порта бегут, — сказал выглянувший из окна на улицу.

— «Николай» взорван! — услышали мы от стоявшего на страже моряка. Он бродил вокруг дома, где мы заседали, чтобы предупредить нас в случае появления полиции, и услышал эту весть от бежавших из порта.

— Свершилось! — невольно должен был подумать каждый из нас.

Дискуссия кончилась. Стачечный комитет оказался в стороне от акта, клавшего новую грань в раз-

витии забастовки. Не могло быть сомнения в том, что за первым актом экономического террора не заемдлят последовать и другие.

Через несколько дней после взрыва на пароходе «Император Николай II» произошел пожар на пассажирском пароходе «Новороссийск». Как после я узнал, это было дело рук Якова Вехова — Яши-Кормильца.

Вскоре же после вступления в стачечный комитет, налаживая продовольственную часть, он пришел к безотрадному заключению, что забастовка осуждена на неизбежный провал. Примириться с предстоящим поражением он не мог. Его социал-демократические убеждения запрещали ему прибегать к экономическому террору, как средству классовой борьбы, но мысль о нем сверлила ему голову. Он долго боролся с соблазном, но не выдержал и решил после взрыва на «Императоре Николае II» действовать наперекор своим партийным убеждениям. Будучи членом стачечного комитета, никого не предупредив, он, сговорившись с анархистами и получив от них деньги и помощников, сел пассажиром на «Новороссийск», захватив в качестве багажа банку керосина, и в удобном месте, у берегов Крыма, где пароход мог легко выброситься на берег, зажег свой керосин. Его помощники и несколько человек из старых моряков, штрейкбрехерами попавших в состав команды на «Новороссийск», ему помогли и к начавшемуся пожару подбавили хорошую порцию пароходного керосина. Поджигая пароход, моряки сумели позаботиться и о себе, и о пассажирах: человеческих жертв при пожаре не было; но пароход навсегда вышел из строя.

Яша-Кормилец ухитрился после этого снова вернуться в Одессу, пробыл в ней около месяца, не принимая уже активного участия в дальнейшем развитии экономического террора, и только позже уехал за границу.

Он так объяснял мне свой поступок:

— Не мог я больше выдержать. Решил: нужно, чтобы пассажиры перестали ездить на пароходах и чтобы грузоотправители груз перестали возить,— иначе забастовка пропала, судовладельцы ее не замечают. Нужно и штрейкбрехеров запугать, чтобы они на пароходы не шли.

Ту же цель преследовали и все остальные террористические акты, как организованные анархистами, так и выполненные по собственному почину отдельными моряками. Сейчас трудно и, пожалуй, даже невозможно дать исчерпывающий перечень всех актов экономического террора, тогда произведенных. Эта трудность особенно велика для меня, в этом терроре участия не принимавшего. Из отдельных актов в их случайной последовательности я могу вспомнить только следующие.

На шхуне «Ай-Тодор» произошел взрыв адской машины в то время, когда она начинала грузиться. Его произвел анархист-синдикалист, поступивший для этой цели на пароход штрейкбрехером.

На пароход «Григорий Мерк», который должен был итти первым рейсом с эмигрантами и грузом в Америку, открывая новую линию Одесса — Нью-Йорк, анархистами были устроены две попытки вооруженного нападения с целью взорвать или сжечь пароход.

На том же пароходе, уже в рейсе, где-то в Архипелаге, неожиданно в носовом отсеке нашли трех вооруженных, имевших у себя бомбы. С какой целью они туда забрались, осталось неизвестным.

На пароходе «Королева Ольга» в Александрии был арестован моряк, подготовлявший взрыв этого парохода.

Были убиты капитаны Сенкевич и Золотарев.

Был убит артельщик Российского общества страхования и транспортирования кладей, у которого при этом было экспроприировано 15.000 рублей.

Одного этого далеко неполного перечня будет вполне достаточно для того, чтобы показать, что мысль об экономическом терроре попала на благодарную почву и принесла обильные плоды.

VII

Взрыв на пароходе «Император Николай II» произвел на широкие массы моряков еще большее впечатление, нежели на членов стачечного комитета. Для них это было действенное указание на новые пути и средства в борьбе, сила и непосредственный эффект которых демонстрировались на наглядном примере и особенно на том впечатлении, какое этот взрыв произвел на самих же моряков. Анархисты-синдикалисты, организовавшие взрыв, неожиданно для себя сразу же стали среди бастующих героями дня, общепризнанными и желанными союзниками в борьбе с судовладельцами. Их авторитет мгновенно почти совсем заслонил авторитет стачечного комитета. При

сравнении последний представлялся нерешительным и почти неспособным к действительному и активному ведению забастовки. Беспокойно искавшая действия, приходившая уже в отчаяние озлобленная масса моряков сразу же и неожиданно для себя, как ей казалось, обрела своих настоящих руководителей, знающих как и умеющих поставить защиту интересов моряков на надлежащее место.

Идейным руководителем анархистов-синдикалистов был небезызвестный тогда на юге и в Одессе Данила Новомирский. Около него очень быстро образовалась довольно значительная группа активно сочувствующих моряков, до этого разбросанных по различным политическим кружкам. Из группы выделился отряд, члены которого выполняли акты экономического террора. Под руководством этого отряда среди безработных моряков широко развернулись идейная пропаганда анархизма и призыв к немедленным действиям. Появились конспиративные квартиры, кружки и крупные суммы денег после нескольких удачных экспроприаций. Часть этих денег расходовалась на поддержку нуждающихся безработных, начинавших сочувствовать анархистам и им помогавших. Создавался новый организующий центр, противопоставлявший себя стачечному комитету и особенно его политическому руководству в лице официальных представителей социал-демократов и социалистов-революционеров.

Игнорировать новую организационную и чрезвычайно активную вошедшую в забастовку силу стачечный комитет не мог, но ему не скоро

удалось и определить свое принципиальное и организационное отношение к ней.

Еще раньше, когда в состав стачечного комитета приглашались официальные представители двух социалистических партий, было решено воздержаться от прямого приглашения анархистов-синдикалистов. Тогда они и сами не торопились входить в стачечный комитет и заявили с самого начала, что они не считают для себя принципиально допустимым связывать целиком свои действия постановлениями стачечного комитета.

Теперь, после начавшегося экономического террора, стачечный комитет вновь сделал наивную попытку поставить под свой контроль террористическую деятельность анархистов, путем приглашения их представителя в состав стачечного комитета для участия в работе на общих основаниях. Полученный от анархистов ответ был короткий и ясный: они категорически отказались принять любезное приглашение и заявили, что оставляют за собою полную свободу действий.

Для стачечного комитета, при создавшемся положении, вопрос становился крайне острым: либо он, либо анархисты руководят забастовкой, но совместная их работа по проведению забастовки исключается логикой развивающихся событий и усложняющегося положения вещей. На этот вопрос должны были дать недвусмысленный ответ и члены стачечного комитета, и официальные представители партий, входивших в стачечный комитет.

Для представителя социалистов-революционеров, настаивавшего прежде на применении экономического

террора, выход из положения был найден быстро и остроумно: он перестал ходить на заседания стачечного комитета, но мотивы его действий остались известными только ему.

Позиция социал-демократов была более сложной. Прежде всего они по своим партийным взглядам являлись принципиальными противниками применения в стачках методов экономического террора. На вступление анархистов-синдикалистов в стачечный комитет, вынуждаемые логикой создавшегося положения, они смотрели, как на неизбежное зло, и намеревались это вступление использовать как средство предупреждения развития террористической деятельности, путем подчинения ее контролю и разрешению стачечного комитета. Представитель от анархистов, в случае даже его постоянной поддержки представителем от социалистов-революционеров, все же оставался бы в меньшинстве и должен был бы подчиниться социал-демократическому большинству, которое заранее готовилось наложить запрещение на дальнейшее развитие террористической деятельности. И когда эта прозрачная, отдающая не то конституционным парламентаризмом, не то детской наивностью, но единственно возможная комбинация была анархистами презрительно отвергнута, социал-демократы, во главе которых были тогда я и Александр Клочко, оказались в еще более трудном положении. Вести массовую борьбу с анархистами, вынести разногласия из пределов стачечного комитета на обсуждение всех моряков для нас было невозможно по конспиративным условиям. Оставался по существу

лишь единственный выход: вести до поры до времени посильную борьбу в стачечном комитете за идейное влияние и руководство и ожидать того неизбежного момента, когда влияние анархистов и здесь не окажется решающим. Но и в таком случае стачечный комитет отрывался от широких масс моряков, сочувствие которых экономическому террору было уже общим явлением.

Последовавшие за взрывом «Императора Николая II» новые акты экономического террора вызвали наконец полный раскол в стачечном комитете, и он большинством голосов, против голосов социал-демократов, то-есть меня и Александра Клочко, высказался за необходимость применения экономического террора. Это постановление послужило основанием к выпуску специального воззвания Одесского комитета РСДРП к морякам. В отрывках, напечатанных в книге ЦК союза водников «Водники в профессиональном движении», это воззвание давало такую картину и оценку положения:

«Товарищи моряки! Вы знаете, что представители нашей партии и некоторые члены стачечного комитета вышли из его состава после того, как стачечный комитет одобрил тактику анархистов-синдикалистов и социалистов-революционеров — взрывание и поджигание пароходов и подобный образ действий. В самом деле, подумайте, товарищи! Вот стачечный комитет пишет, что и стачка давно была бы проиграна, черносотенцы и малодушные из моряков давно бы загубили наше дело, если бы не был сожжен «Новороссийск» и взорваны другие пароходы. Итак, выхо-

дит, по мнению сторонников анархистов, что взрывы пароходов могут подменить солидарность моряков. Всякий из вас знает, что черносотенцы попрежнему заменяют бастующих моряков, а штрейкбрехеры также остались на своих местах, остались, как и были, предателями нашей борьбы. Но эти взрывы пароходов имеют крупную плохую сторону: они обостряют нашу борьбу с администрацией пароходных обществ, обостряют ее совершенно бесполезно и во вред нашей борьбе.

...В чем скрывался успех нашей борьбы? (в весеннюю 1906 г. забастовку.—*А. Я.)* В нашей солидарности и организованности лежал залог нашей победы.

Мы очень хорошо знаем, что условия борьбы тяжелы, но отсюда не следует, что нужно безумно действовать и вредить самим себе. Почитайте газеты, и даже в них вы найдете ряд сообщений об убытках, которые наносит наша забастовка Ропиту помимо всяких взрывов пароходов.

Держитесь дружно, не поддавайтесь ни на какую провокацию, с чьей бы стороны та ни исходила, верьте только своей солидарности, ибо в ней залог вашей победы. Тактика анархистов и социалистов-революционеров — это тактика бессилия, ибо они надеются не на силу нашей солидарности, а на силу бомб.

...Вся борьба рабочего класса — борьба революционная, ибо она направлена против экономического и политического рабства рабочего класса. Но ошибается тот, кто думает, что революционная борьба —

в взрывании пароходов и тому подобных действиях. Нет, товарищи, подобным образом действий вы только покажете, что вы не сознаете, где причина ваших бедствий; она кроется не в отдельных капиталистах, а в современном строе, основанном на угнетении рабочего класса...

...И мы, призывая вас, товарищи, продолжать вашу борьбу, которой мы содействовали всем, чем только мы могли, и которой будем также попрежнему содействовать, вместе с тем мы вновь горячо призываем вас не поддаваться на постоянные призывы стачечного комитета разрушать имущество капиталистов, а бороться с ними путем дружной, организованной борьбы.

Наша сила — в единении и организованности».

Из этого достаточно сумбурного по своей принципиальной установке воззвания, написанного тогда мною вместе с Клочко, можно видеть, какое сложное взаимоотношение сил создавалось внутри стачечного комитета и в каком трудном положении оказались социал-демократы. Эти трудности проистекали не только из-за партийно-тактических расхождений их с одобренными стачечным комитетом методами экономического террора, но еще и потому, что их положение в этом комитете было особым.

Как уже ранее было сказано, состав стачечного комитета образовался в результате подбора наиболее активно работавших моряков, а не путем выборов или даже кооптации. Из прежнего состава правления «Регистрации», после исчезновения Якова Вехова, в нем оставались только я и Клочко. Нас обоих знали

все моряки, чего нельзя было сказать о других членах стачечного комитета, составлявших большинство. Его авторитет в значительной степени держался на нашем участии в нем, и работа других членов покрывалась нашим авторитетом, приобретенным в прошлой борьбе моряков. Наш выход из стачечного комитета, вследствие принципиальных разногласий, лишал его необходимых цементирующих скреп и уничтожал его авторитет в глазах моряков, еще не ставших ярыми сторонниками экономического террора. Но и для тех, кто ухватился за новые средства борьбы, наш выход, знаменовавший резкое осуждение этих средств, не мог быть безразличным. Он создавал прямое впечатление раскола среди стачечного комитета, распада сил моряков и ставил в особую опасность их борьбу в тот момент, когда требовалась особая сплоченность и единство действия против судовладельцев.

Воззвание Одесского Комитета РСДРП вызвало жестокую дискуссию среди массы забастовавших моряков. Общие симпатии явно клонились в сторону анархистов. Пользуясь этим, их представитель вошел в состав стачечного комитета. Под его идейным влиянием быстро оказался почти весь состав комитета, вынесший новое постановление о необходимости усилить экономический террор и обратившийся с прямой просьбой к анархистам этот террор осуществить.

Забастовка все еще продолжалась. Идейное и организационное руководство ею перешло целиком к анархистам-синдикалистам. О действиях созданного анархистами стачечного комитета я могу лишь дога-

дываться, и о них могут говорить лишь активные участники этого второго периода забастовки. Внешнее же ее течение было таково.

На взрывы пароходов и убийства капитанов полиция ответила удвоением полицейских постов и патрулей в порту, жандармы — применением 279 статьи свода военных постановлений, по которой полагалась смертная казнь через повешение. Количество арестованных моряков резко увеличилось. Налаженная было массовая помощь нуждающимся одиноким и семейным морякам была разрушена усиленным полицейским сыском. Террор, ударяя по судовладельцам, вызвал ответные репрессии. Но эти репрессии били не только по тем, кто персонально проводил систему экономического террора, но направлялись против всей широкой массы моряков и в свою очередь терроризировали их. На случайные, разрозненные, хотя и частые акты экономического террора царское правительство ответило своим сугубо организованным полицейским террором, и он оказался сильнее. Классовую солидарность и организованность моряков подменить случайными, подчас героическими выступлениями отдельных лиц оказалось невозможным и бессмысленным.

Если экономический террор, развитый анархистами, не сорвал уже бывшей и без того безнадежной забастовки моряков, то во всяком случае он показал свое полное бессилие помочь в конкретной обстановке классовой борьбы моряков за их классовые интересы.

Но при этом все же нужно отметить, что, прекращая забастовку в феврале, анархисты под угрозой

личного террора по адресу капитанов пароходов добились принятия обратно на службу почти всех моряков, покинувших свои пароходы для участия в забастовке. Убийство капитана Золотарева показало, что объявленная угроза не шутка. Этот капитан отказался принять к себе на пароход старых моряков и за это был убит анархистами, что заставило других капитанов серьезно расценивать объявленную им угрозу.

«Союз русского народа», так много содействовавший провалу забастовки, торжествовал. Его газета «За царя и родину» писала:

«Союз русского народа» и его рабочая организация уже вполне окрепли, и забастовка к ужасу революционеров и жидов была сорвана «Союзом русского народа». Больше «Регистрации», годной только для революции, вероятно, уже не будет, но морякам все-таки нужно организовываться. Старые, честные, славные наши моряки, много проплававшие, много видавшие, много испытавшие горя и беды... не могут не разделять и не сочувствовать идеям «Союза русского народа»... и большинство честных, хороших моряков мы братски призываем к себе. Вместе, объединенно жить нам будет легче.»

Но далее — новые страницы в истории революционного движения черноморских моряков, по значению и содержанию своему заслуживающие отдельного повествования.

Цена 35 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1) Правлению Издательства политкаторжан—Москва, ГСП-10, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73

2) Магазину Издательства политкаторжан „МАЯК"— Москва-центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20.